

ПРИШЕВСКИЙ

КРАЙ

Военно-осведомительная, литературная и политическая газета.

Цѣна отдѣльнаго номера въ уличной продажѣ 1 марка. Покупающимъ сразу болѣе 50-ти экземпляровъ скидка 20%.

№ 29.

Нарва, Воскресенье 14 Декабря 1919 г.

№ 29.

ОПЕРАТИВНЫЯ СВОДКИ.

Въ воскресенье, 14 декабря с. г. въ 3 ч. дня въ Нарвской Знаменской церкви соборомъ военнаго духовенства С.-З. Арміи имѣетъ быть отслужена панихида по бѣлымъ воинамъ павшимъ 13 іюня с. г. при возстаніи на Красной Горкѣ и жертвамъ большевистскаго террора: родственникамъ и знакомымъ возставшихъ и изъ мести къ послѣднимъ за это возстаніе звѣрски разстрѣляннымъ.

Желаю купить барскую мебель, персидскіе, кавказскіе ковры, античныя вещи, хрусталь, фарфоръ, гравюры. Предложенія съ подробнымъ описаніемъ цѣны, до 18 декабря: Ревель, почтовый ящикъ 82.

Штаба Сѣверо - Западной Арміи

къ 10 час. вечера 13 декабря.

На всѣхъ фронтахъ рѣдкая ружейная перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ.

къ 10 час. утра 13 декабря.

На фронтѣ р. Наровы и въ Гдовскомъ направленіи.

Спокойно.

Въ Ямбургскомъ направленіи.

Южнѣе ж. дороги противникъ пытался приблизиться къ нашимъ окопамъ, но былъ отогнанъ.

Штаба Эстонской Арміи

къ 11 час. вечера 12 декабря.

На побережьи Финскаго залива.

Непріятель обстрѣливалъ д.д. Федоровка и Орлы.

Въ Ямбургскомъ направленіи.

Непріятель началъ съ утра наступленіе густыми цѣпами на наши позиціи у д.д. Кошкино, Дубровка, Сала. Первые цѣпы были уничтожены нашимъ огнемъ. Слѣдующій цѣлый день пролежали въ снѣгу, т. к. за ними были установлены пулеметы, что ихъ и принудило оставаться на мѣстѣ.

При наступленіи на Дубровку дѣйствовали два непріятельскихъ бронированныхъ автомобиля. Наступленіе было отбито съ большими потерями для противника. На линіи Наровы наши батареи обстрѣливали д.д. Кріуши и Долгая Нива.

Штаба арміи генерала Деникина.

11 декабря.

На Камышинскомъ направленіи.

Наша конница во время набѣга въ тылъ красныхъ съ 18—26 ноября (старого стиля) захватила свыше 2500 плѣнныхъ, 9 орудій, около 50 пулеметовъ, штабъ советской бригады и большую военную добычу. Нами произведенъ удачный набѣгъ на ст. Лошь. Захвачено свыше 350 плѣнныхъ, два пулемета, станціонныя сооруженія разрушены.

На Балашовскомъ и Лисинскомъ направленіяхъ.

Безъ перемѣнъ.

Въ Курскомъ направленіи.

Упорные бои продолжаются.

Въ Бахмачскомъ направленіи.

Новыхъ свѣдѣній не поступало.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

На Нарвскомъ фронтѣ упорные бои продолжаются. Эсты нанесли въ пятый день штурма громадныя потери большевикамъ. Красноармейцы принуждались къ атакѣ эстонскихъ позицій комиссарскими пулеметами. Густыя цѣпы красныхъ залегли передъ позиціями Эстовъ и остались цѣлый день лежать на холодномъ снѣгу, боясь вновь подняться для атаки, или вернуться. Такъ „народные“ комиссары обращаются со своими несчастными солдатами—рабами.

На Латышскомъ фронтѣ. Большевики ежедневно производятъ небольшія атаки. Латыши ихъ успѣшно отражаютъ. Много большевиковъ гибнетъ отъ огня латышей. 9-го декабря здѣсь убитъ комиссаръ.

На Южномъ фронтѣ. Наша конница совершила удачный набѣгъ. Взято 2,500 плѣнныхъ 9 орудій и 50 пулеметовъ. Другой набѣгъ совершенъ на станцію Лошь. Взято 350 плѣнныхъ. Станція и сооруженія уничтожены.

Нарва, 14 декабря.

Россия последних пяти лет — страна великих, сказочных, легендарных подвигов.

Подвиг в разгар жестокого артиллерийского и ружейного огня, когда гудят и лопаются снаряды, когда белые дымы прапирелей закрывают гребень окопа, а пули и осколки с воем и свистом летят по валу, когда вся земля между нами и противником, как бы курится пылью от падающих часто пуль, встать из окопа, веселым бодрым голосом крикнуть «вперед за мной» и с винтовкою в руках броситься туда, откуда глядят бледные страшные лица врага, броситься на штык...

Это подвиг! Великий славный подвиг. Красивый подвиг, на глазах у своих друзей и соратников победить или умереть.

Подвиг с развороченными осколками тяжелого снаряда внутренностями тихо лежать на поле и когда проходят мимо идущие в атаку воины кричать им сколько хватит силы в умирающих легких — «вперед, родные, победа с нами. А умирать за Вбру и Родину — легко!»

Подвиг в холодном и сыром окопе, с промокшими в изорванных ботинках и обмотках ногами, стынущими и ноющими, в легкой шинельке, в снежную вьюгу, с голодным желудком несколько суток ничего, кроме лепешек из муки не выдавшим

сидеть на своем посту и не выпуская винтовки из рук зорко следить за неприятелем...

Много подвигов незамятных русских людей знает Господь за эту войну. Русский народ твердо усвоил евангельское наставление и возлюбил ближнего своего так что и душу свою отдал за него...

Но гражданская война создала и другие подвиги, подвиги иного порядка, подвиги невидимые и с самого первого шага пути к этому подвигу ведущие к страшной мучительной смерти.

Холодная Советская республика. Юрки комиссары с наглыми лицами, кругом коммунисты, все молодежь у которой уши на макушке и которые всюду и вездь видят измену «рабочему» делу и контр-революцию. И среди них человек с бледным лицом и печальными, куда то вглубь глядящими глазами. Это «специалист военного дела», «бывший» офицер.

Что заставило остаться его в этом хаосе понятий и дел, в этом страшном разгроме России? Боязнь за семью, что живет с ним под вечным страхом, быть арестованной, как заложники и что глядеть на него с жалостью... и презрением... Жажда жить во чтобы то ни стало, покупая удовольствия и радости жизни какою угодно ценою? Но нет — он не кутит с комиссарами, не реквизирует с ними голодных дбушек из буржуазных учебных

заведений, не носится по ночам с диким свистом на автомобилях, окруженный толпою матросов по загородным вертепам. Он живет скромно и тихо...

А по ночам, в больном, измученном мозгу крутить и крутить одна мысль: — надо помочь во что бы то ни стало тем братьям, что где то далеко борются за право жить по христиански, борются за Россию!..

Заговоры... Их несколько, рвшившихся и обреченных. Они собираются редко. За ними следят. Так некогда собирались те, кто замыслил разрушить великую Россию, так теперь собираются они, единственной мечтой которых сохранить и возродить Россию.

Блédные лица. Тихий разговор. Посмотрите — закрыты ли двери? И долгое молчание. Пытливый взор, надежен ли этот?.. А тот? Его знаю со школьной скамьи. Кажется, надежен ли этот?.. А тот? Его знаю со школьной скамьи. Кажется, вѣрный человек. Но голод кого не свалил за это время и кусок белой булки был куплен многими ценою крови друга...

Наконец рвшились и тихо заговорили о том, чѣм жили долгие месяцы, чѣм страдали и мучались, заговорили о спасении Родины. Ровдали роли. Заговор состоялся. Они знали на что они шли, все-таки шли, узнавали, разведывали, писали. Знали, что у них один шанс на успех и девятно девять на смерть и все-таки шли за этим одним, потому что этот один нес спасение Родины...

Их выдали.

Темные, гадкие личности из желаний подслужиться, получить лишнюю выгоду, милостивую улыбку комиссара донесли о них и их арестовали.

Гороховая—2.

Этот застѣнок, равного которому нет в мѣре. Палачи китайцы. Инквизиторы коммунисты.

Зачѣм? Зачѣм вы дѣлали это, когда могли быть с нами и весело и привольно жить, насмѣхаясь над муками Родины и все и вся презирая?..

За Родину! За Россию!..

В истории мы знаем имена Муция Сцевола, Горація Коклеса, братьев Гракхов... Мы превозносим их, ставим им памятники.

Мы не знаем даже имен этих великих мучеников за Родину. Иногда, очень редко до нас доходит известие о раскрытом белогвардейском заговоре, как это было недавно в Петроградѣ. Разстрѣляны такие то — названы по фамилиям, еще разстрѣляно столько-то — большею частью несколько сотен «бывших офицеров» и только.

Но мы здѣсь, борясь за освобождение России от ига тиранов — мы знаем точно одно, что такие святые мученики не переводятся в России.

Римъ, имѣвший Муция Сцевола был велик и славенъ.

И Россия, в которой есть герой, героизм которых выше ге-

РАЗВЕДКА.

Бѣлые устали.

Красные валились с ног...

Наконец остановились и выбрали позицию.

2-ая рота N-ского полка заняла деревню Муратовку, а 1-й батальон 16-го Советского полка деревню Фитинку. Между деревнями, отстоящими друг от друга на 1500 шагов, лежали пахотные поля. В шагах пятистах от Фитинки лежала небольшая березовая роща, напоминающая форму графина; дно графина было обращено к деревнѣ, а узкое горло — к Бѣлым.

В эту рощу на ночь красные выставили заставу, одну роту; один полевой караул выставился к вершиям рощи. Остальные роты были в деревнѣ, и там красные чувствовали себя, как дома. Расположение красных было хорошо известно Бѣлым и они ждали «срока».

Бѣлые шагах в шестидесяти от деревни вырыли себѣ окопы: противник начал всегда обстрѣлывать с деревни. К

деревнѣ прорыли ход сообщения, и в ней в избах стояли два взвода, а два взвода занимали окопы.

По очереди спали. На ночь, кроме дежурных взводов, выставляли дозоры и секреты. Впрочем, бѣлые не ждали нападения красных: они отступали.

Прошло двое суток. На позициях, что называется, «без перемен». На правом флангѣ бухали пушки, непрерывно работали пулеметы, трещали винтовки, а на участке 2-й роты и соседних царяло затишье.

В окопах тоже было тихо. Взводы только что смѣнялись. Солдаты выспались, отдохнули, и «все бы ничего, да нет табаку».

Утерь-офицеръ, отдѣленный командир 1-го отдѣления, 1-го взвода, Яковъ Лушновъ и его пріятель Николай Антиповъ сидѣли рядом, опершись спинами в переднюю стѣнку окопа и сосредоточенно вздыхали.

Обоим смертельно хотѣлось курить.

Было около семи часов вечера. Небоясное, звѣздное; точно по темно-синему бархату разсыпаны серебряныя и золотыя

звѣзды. Ни малѣйшаго вѣтерка в воздухѣ. Свѣжо, но не холодно.

— Эхъ, Яша, хорошо бы теперь покурить, — мечтательно заявил Антиповъ.

— Безъ табаку в окопах плохо... Бывало в Галиціи вышневые листья курили, — ничего: курить можно, — сочувственно отозвался Лушновъ.

— Тоже мохъ там курить можно. А нашъ мохъ не годится: горчить, да и пахнетъ третьемъ пахнетъ... Желал бы теперь махорочки, — вздохнул Николай.

— Махорочки, анафема... Махорочка ему захотѣлось: — кто-то из солдат с ожесточеніем плюнул. — Лохъ бы не вспоминалъ...

Наступило молчание. На правом флангѣ тоже перестали палить. Звѣзды смотреть на землю и дивятся. Есть чему дивиться!..

— Давеча ротный спрашивает: «вѣдь ты у тебя, Яша, покуришь?» А я ему: «дозвольте, господинъ поручикъ, в разведку сходить». Только пальцемъ погрозил... А вѣдь у красныхъ табакъ долженъ быть, — неторопливо говорил Лушновъ.

Длинная пауза. Опять загремѣли пушки.

— У мадьяръ трубки хороши... ограмадные. Табакъ-то такъ себѣ. Зажмешь в

кулакъ и тянешь... Тепло рукамъ. Ромъ тоже важнецкій. Поидешь в разведку к австриякамъ, — говорил Антиповъ: — вот тебѣ и табакъ, и ромъ. — Тамъ другое дѣло... Давеча прошусь в разведку, а онъ пальцемъ грозить, — недовольно бурчатъ Лушновъ.

Пріятель замолчал и задумался.

— Яша, милый! Никакъ махорочкой запахло: навѣрное красные черти в полевомъ караулѣ курятъ, — прошептал Антиповъ.

Лушновъ вкочил и куда-то направился. «Ага, к ротному пошелъ», — тихо сказал Антиповъ.

— Черезъ четверть часа Яковъ вернулся.

— Идемъ, — сказал онъ.

— Куда, Яша?

— Надо взводному сказать. Ротный-то пустилъ, да приказалъ доложить взводному. Пошли.

Взводный командир прапорщикъ Семенъ Семеновичъ Петровъ, произведенный в офицеры из утерь-офицеровъ за боевыя отличія, пользовался у солдатъ большимъ уваженіемъ. Теперь онъ ходил по совершенно пустой крестьянской избѣ, тускло освѣщенной стариковымъ огаркомъ, и раз-

роизма Муция Сцевола не может не быть великой и славной.

Вот почему так бодро и смѣло смотришь на будущее Россіи. Пока есть герои, способные на подвиги, оказанные мѣсяць тому назадъ въ Петроградѣ бѣлогвардейскими заговорщиками — вѣра въ свѣтлое будущее Россіи не можетъ изсякнуть.

Россія будетъ великой и могучей!

Коммунизмъ.

Въ настоящее время—время колоссальной борьбы всего міра противъ коммунизма, когда каждый культурный человекъ сознаетъ, что коммунизмъ есть наибольшее зло XX вѣка, я хочу коснуться тѣхъ вопросовъ внутренняго міра человека, которые совершенно игнорируются защитниками коммунизма, конечно рѣчь идетъ не о тѣхъ „коммунистахъ“ которые ради личныхъ выгодъ выдаютъ себя за коммунистовъ, а о тѣхъ обманутыхъ которые, начитавшись брошюръ и наслушавшись зажигательныхъ рѣчей, не вдавшись въ критику, услышаннаго, увѣровали въ блага коммунизма.

Если бы намъ бѣлымъ крестноносцамъ не удалось бы быстро справиться съ массой обманутыхъ русскихъ людей, толкаемыхъ угрозами и обѣщаніями инновѣрцевъ на наши штыки (а развѣ Бронштейнамъ и К^о жалъ русской крови), то все-таки коммунизмъ рухнетъ, какъ карточный домикъ, построенный на фокусѣ и обманѣ. Скептикъ возразитъ мнѣ—вѣдь до сихъ поръ не рухнулъ и коммунисты еще крѣпки. Но я буду возражать и утверждать, что онъ рухнетъ и погибнетъ развѣ навсегда. Но отчего? Отъ выявления человекомъ сознания собственного достоинства и главнаго двигателя человечества—права собственности, т. е. того права, которое, главнымъ образомъ, и отрицается коммунизмомъ.

мыслялъ о томъ, гдѣ бы достать покурить. Онъ вопросительно посмотрѣлъ на вошедшихъ.

— Что нужно, пріятель?

— Господинъ прапорщикъ! ротный командиръ приказалъ въ развѣдку идти, сказалъ Лушновъ.

— Ты мнѣ, Яковъ, очки-то не втирай,— строго сказалъ Петровъ:— приказалъ... не приказалъ, а самъ набился... Покурить захотѣлось?

— Оно точно. —

— Ладно ужъ... ступайте, съ Богомъ! —

— Счастлива оставаться. —

Развѣдчики пошли. Она перешила окопы, предупредила секреты и направилась къ березовой рощѣ.

— Тутъ, братъ, можетъ быть два случая— тихо говорилъ Яковъ:— первый: подползти къ часовому и подчаску, скомадовать имъ руки вверхъ, и тащить въ роту. —

— Надо полагать, что у нихъ табакъ есть,—вставилъ Антиповъ.

— Безпримѣнно. Второй случай: часового насъ замѣтитъ; скажемъ: „перебѣжчики; веди въ штабъ“. Станутъ спрашивать, а мы за машинку!

Каждый человекъ въ своей жизни кромѣ вѣншей стороны, проявляемой въ работѣ и въ повседневныхъ заботахъ — имѣетъ внутреннюю жизнь—жизнь у себя дома, въ себѣ самомъ. Свой домъ, своя квартира, свои вещи, свои книги, наконецъ своя жена и свои дѣти (коммунисты и ихъ считаютъ общественными), каждая мелочь, если она своя, то она дороже всякой чужой. Намъ дорогъ нашъ собственный уголь, будь онъ хуже чѣмъ у сосѣда. Мы привыкаемъ къ вещамъ, къ окружающимъ предметамъ, къ платью, къ мелочамъ, но нашимъ собственнымъ и потери этихъ вещей, даже не цѣнныхъ, намъ тяжелы.

Вотъ этого то коммунисты и не допускаетъ и съ пѣной у рта кричитъ— „все ничье и все общее“ и частью силой, частью увлекательнымъ словомъ ведетъ за собою недоразвитые умы.

Но проснется сознание у народа и онъ стряхнетъ съ себя иго коммунизма и приметъ вновь за строительство своей родной Россіи, выгнавъ съ позоромъ изъ нечужихъ людей, не имѣющихъ ничего своего, какъ паразиты живущихъ на истерзанномъ русскомъ тѣлѣ и обманутыхъ русский народъ въ его самыхъ святыхъ стремленіяхъ.

Вотъ почему, если, не дай Богъ, среди насъ есть павшіе духомъ, т. е. мы терпимъ временныя неудачи, надлежитъ не только не падать духомъ, а наоборотъ сознавать и твердо вѣрять, что каждый день родитъ въ народѣ сознание своихъ правъ и мы все ближе и ближе поднимаемся къ дню ликвидаціи преступной власти и возвращенію обманутому народу его законныхъ правъ а истерзанной странѣ ея прежняго могущества и славы.

Н. Орловъ.

Т р ю к ъ.

Случалось ли вамъ видѣть въ кинематографѣ одну изъ безчисленныхъ комическихъ сценъ, полныхъ бѣготни, хаоса, невѣроятныхъ катастрофъ, сценъ, разсчитанныхъ на непрерывную веселость зрительнаго зала?

— Обнаковенно... Яша, подойдемъ мы, а къ часовому придетъ смѣна, а? —

— Вмѣсто двухъ — пять... Гранатки — то взялъ? — спросилъ Лушновъ.

— Двѣ есть. —

— У меня двѣ. Запустимъ въ нихъ, ежели добровольно не пойдутъ. —

Солдаты пошли молча. Показался темный силуэтъ рощи. Развѣдчики залегли. Четверть часа прислушивались они. Мертвая тишина.

— Даже и табакомъ не пахнетъ,—сказалъ Николай.

— Идемъ. —

Встали, пошли. Шли спокойно, увѣренно. Правда, сердца били тревогу.

Цостояли.

Опять пошли. Шагахъ въ пятнадцать отъ рощи залегли. Тихо...

— Яша, а это они насъ высмѣживаютъ,—сказалъ Антиповъ.

— Черги играютъ,—проормоталъ Лушновъ.

Стало страшно.

Развѣдчики встали и пошли въ рощу.

— Стой! Кто идетъ! —раздался испуганный голосъ.

— Свои, — спокойно отвѣтилъ Яковъ, продолжая идти.

„Глупышкинъ получилъ наследство“.

„Пренсъ собирается жениться“.

„Максъ Линдеръ выигралъ двѣсти тысячъ“.

Что-нибудь въ этомъ родѣ. Публика, не замѣчая, что ей преподносятъ въ сущности одно и то же подъ разнообразными соусами, требовала все новыхъ и новыхъ названій картинамъ. А разъ названіе новое, валомъ валела на зовъ элекрическихъ лампочекъ и нестрыхъ афишъ.

Смотрѣли безъ усталы, смѣялись не удержимо.

Водили посмѣяться и дѣтей. Дѣти заражались настроеніемъ взрослыхъ, смѣялись тоже.

Но разъ мнѣ случилось видѣть въ ложѣ кинематографа ребенка, на лицѣ котораго при видѣ курбетовъ облитого водой, провалившася, сквозь полъ и раздавленнаго тремя автомобилями Глушышкина появились слезы. Лицико выражало неспитворный ужасъ, и родители напрасно успокаивали его, говорили:

„О чемъ же плакать, дѣтка,—вѣдь это все смѣшное, что намъ показывали. Видишь, кругомъ все смѣются, глупенькій“.

Потомъ, можетъ-быть, качали головами и стовали между собою, что дитя растеть неразлитымъ, неспособно отличить смѣшного отъ серьезнаго, со страхомъ заглядывали въ трудное будущее страннаго ребенка.

А, между тѣмъ, въ слезахъ ребенка не было и намека на какую-нибудь склонность къ безпричинной меланхоли. Великая душа сказылась въ его ужасѣ передъ тѣмъ униженіемъ, въ какое можетъ быть поставленъ другой человекъ, теряющій образъ и подобіе Божіе. Общій смѣхъ, повидимому, только усиливалъ въ немъ безотчетно— чистое, высокое чувство.

Какъ часто мнѣ вспоминается это дитя теперь, когда уже два года тянется безконечной лентой въ сотни миллионныхъ метровъ развеселый фарсъ:

„Глушышкинъ — революціонеръ, или Троцкій у власти“.

— Свои... свои, — передразнилъ часовый: — ты пропускъ говори. А то преть, какъ оглашенный. —

— Пропускъ? Чудакъ человекъ,— миролюбиво заговорилъ Николай: — да ты знаешь, кто мы? —

Оба вилотную подошли къ часовому.

— Бѣлые. Руки вверхъ! — угрожающе зашипѣлъ Лушновъ, приставляя винтовку къ груди часового.

— Нишани,—ласково сказалъ Николай подчаску: — мы васъ обошли. —

Часовой съ подчаскомъ, поднявъ руки вверхъ, уронили на земаю винтовки. Николай схватилъ оружіе.

— Ну, маршъ, товарищи, къ бѣлымъ! — приказалъ Лушновъ.

Яковъ велъ одного красноармейца, Антиповъ другого. Шли они поспѣшно, подгоняя растерявшихся товарищей прикладами винтовокъ. Когда отошли шаговъ триста, Яковъ спросилъ своего плѣннаго:

— Есть табакъ, землякъ? —

— Нѣтъ. —

— Какъ нѣтъ? — Яковъ похолодѣлъ: — не выдавали что-ли? —

— Вчера выдали. Я не курищій, отдай товарищу. У него есть. —

Мнѣ вспоминается, какъ въ первые дни послѣ октябрьскаго переворота многіе, почти всѣ, уставъ говорить объ ужасахъ, что творились вокругъ, переходили къ предположеніямъ: чтоже дальше будетъ, если какимъ-нибудь чудомъ большевики удержатся на сравнительно долгій періодъ.

И точно по заказу, словно при входѣ въ веселенькій кинематографъ, лица расплывались въ улыбку, рисовались такіа картины, что у даже самыхъ серьезныхъ собесѣдниковъ чуть посмѣивались глаза.

Царствованіе большевиковъ представлялось сплошнымъ фарсомъ, комической сценой, и, не смотря на то, что фантазирующіе на эту благодарную тему люди сознавали неизбежность своего участія въ цѣломъ рядѣ катастрофъ, они не удерживали своего смѣха.

Да и по сейчасъ, кажется, тамъ, въ Совдеціи находятся безумцы, готовые, прочитавъ по утру газету, со смѣшкомъ говорить:

— „А Ленинъ-то, шутъ гороховый. Посмотрите, что выдумалъ“.

За такимъ предисловіемъ слѣдуетъ сообщеніе объ одномъ изъ послѣднихъ издѣвательствъ надъ здравымъ смысломъ по декрету Совѣтскаго владыки.

— „Читали сегодняшнюю рѣчь Троцкаго. Умора“.

И, какъ бы въ иллюстрацію къ такой отъякъ прочитывается рядъ самыхъ трескучихъ, бессмысленныхъ митинговыхъ фразъ присяжнаго буффъ-оратора.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пришлось видѣть дѣтскія слезы, вызванныя свержъ-комической сценой въ душномъ залѣ небольшого кинематографа. Давно взрослымъ стало то чуткое дитя.

Гдѣ же оно теперь, когда на грандіозной, кровью залитой сценѣ русской дѣйствительности подъ громогласные звуки интернационала разыгрывается безконечный кровавый фарсъ?

Жизнь не позволяетъ ему оторваться взглядомъ отъ омерзительной картины, а, между тѣмъ, авторы ленты не поскупились

— То-то, — Лушновъ съ облегченіемъ вздохнулъ. Онъ забралъ у красноармейца табакъ. Всѣ свернули папирасы и закурили.

— Эхъ, влопались... Что насъ вѣшать будутъ или разстрѣляютъ? —спросилъ одинъ изъ плѣнныхъ.

— Ты ошалѣлъ? У насъ только коммунистамъ попадаетъ, да и то большимъ жуликамъ. А можетъ вы коммунисты? —подозрительно спросилъ Антиповъ.

— Нѣтъ, мы рязанскіе... мобилизованы. —

— Ну, и ничего вамъ не будетъ. Будете себя вѣсть ситникъ съ саломъ. Вѣште на здоровье; мы не жадны,—благодарно говоритъ Антиповъ, затягиваясь махоркой.

Подошли къ окопамъ.

К. П.

на эффекты, на „гвозди“ кинотехники, зачастую гораздо более жестокие, чем реальные гвозди, вбиваемые в живое человеческое тело.

Ими придуманы кроме того еще и невиданный до настоящего времени трюк. Прерванная во многих местах лента, как прослойками, собрана кусками самых страшных лент.

Глупышкин и жертвы инквизиции! Сплошной смех!

Где теперь выросшая в большую чуткую душу маленькая детская душа?

Я знаю, здесь, или на юге, или в далекой Сибири вместе с борцами против героев затянувшегося на годы кровавого издательского фарса, вместе с борцами за неприкосновенную человеческую личность, за лучшую жизнь. Я знаю, много страданий перенесено этой душой, много сдержано напруживающихся слез.

Пусть же скорбь этой чуткой души будет послана радость улыбнуться действительно веселому, счастливому времени. Пусть скорбь оборвется безконечная лента кошмарного фарса, и в мирной, красивой жизни позабудется унижение неслышавшего над невольными кривляниями многих миллионов русских людей.

Яр. Ореховский.

Не проси веселой песни у поэта,
Детской сказки, шаловливой не проси.
Песня сита, сказка сказана когда то,
И была богата сказка, без усилия
Видны крылья песни в час веселый.
В час тяжелой прежней песни не проси.
Говорить он может только про страданье
Про мученье с болью в сердце говорить,
Ведь от зданья к зданью вихрь ужасный,
Красный вихрь пронесся над страной,
Над родною Русью, все сметая,
Лишь рыдая, может он про край родимый
говорить.

Но позвать он хочет сильных волей,
Хочет храбрых к светлым подвигам позвать,
Тех, кто с долей, с русской долей
плачевой
Не мирится. Тех, кто гневный ищет
мести,
Тех, кто чести русской не пятнает,
Кто страдает, тех на подвиги позвать.

Яр. Ореховский.

Пушечное мясо.

Социалисты партии большевиков умело воспользовались усталостью войною русских людей и завладели властью только благодаря этой усталости.

Нечего скрывать — солдаты воевать дальше не желали, а потому они и пошли за теми, которые обещали им мир, т. е. за социалистами-большевиками.

Большевики действительно исполнили обещание: они заключили безконечно позорный мир с Германией и ее союзниками.

Немедленно по заключению мира, большевики начали формировать красную армию, яко-бы для защиты „завоеванной революции“.

Незамытно и постепенно социалисты-большевики ввели в красную армию дисциплину, основанную на терроре и разстрелах.

Солдаты, сумевшие поднять восстание против начальства в феврале 17 года, не посмели открыто выступить против мучителей комиссаров и красных офицеров.

Когда большевистское правительство убедило, что красные солдаты превратились в послушных рабов, то решились начать новую войну, войну гражданскую, более ужасную, чем когда-либо.

Началась война против казаков, а продолжалась против всех и вся.

С чем только не приходилось сражаться красным солдатам? Французы, англичане, румыны, поляки, эсты, германцы и даже греки вели войны против большевиков, войны оборонительные, но не наступательные.

Комиссары решились завоевать всю Европу, а впоследствии и весь мир, чтобы пользоваться жизнью и всеми ее радостями.

В одном из приказов большевиков выпущенном накануне боя под Нарвою и Исковом в ноябре 18 года, было указано, что красная армия начинает наступление для соединения с революционными элементами Германии и чтобы дать международному капиталу решительную битву на берегах Рейна!

Таким образом русский крестьянин, повзвизгивший обещаниями большевиков о мире, оказался вовлеченным в безконечную войну, войну особенно грустную, вследствие того, что русские убивают преимущественно русских и братская кровь течет рекою.

Прошел год. Большевики опять стоят под Нарвою.

Комиссары решились взять Нарву 8-го декабря.

С утра несчастные красноармейцы, опьяненные кокаином и водкою бросились на штурм Нарвских позиций.

Храбрые эсты и белые русские хладнокровно подпускали глубокую колонну противника и сыпали их огнем из пулеметов и винтовок. Целые роты красных ложились под свинцовым дождем.

Но комиссарам русских крестьян не жаль и они гнали на убой все новые и новые батальоны. До десяти раз повторялись безумные штурмы красных. К вечеру бой затих. Белые и эсты понесли только ничтожные потери и удержали все свои позиции.

Уровь большевистской армии громаден. Груды тель лежат перед проволоками заграждениями.

Нарва осталась в руках Эстонцев. Нужно ли было красным штурм Нарву?

Нѣтъ. И вот почему—нѣтъ. Они кричатъ, что не собираются завоевывать свободную Эстонию, а только обороняются отъ нападенія бѣлыхъ эстовъ и русскихъ.

Большевикова эсты не атакуютъ, а наоборотъ ведутъ съ ними переговоры о мирѣ.

Зачѣмъ-же понадобилось Троцкому уложить подъ Нарвою нѣсколько тысячъ своихъ рабовъ, несчастныхъ русскихъ крестьянъ?

Въ тотъ-же день красные яростно, атаковали поляковъ у Борисова.

Троцкий потребовалъ отъ своихъ войскъ захвата предмостнаго укрѣпленія Борисова.

Атака окончилась также грустно какъ у Нарвы.

Красные понесли огромныя потери доносить польскій штабъ.

На улицахъ Бердичева происходитъ бойня. Русскіе убиваютъ русскихъ. Здѣсь счастье улыбнулось бѣлымъ и они медленно тѣснятъ красныхъ.

Двѣ атаки красныхъ на Кіевъ терпятъ неудачи. Бѣлые преслѣдуютъ врага и въ слѣдующемъ донесеніи красныхъ, мы читаемъ, что они захватили съ боя какія-то деревушки уже въ 35 верстахъ къ сѣверу отъ Кіева. Слѣдовательно новыя атаки и новыя жертвы среди красныхъ. То-же происходитъ у Царичина и т. д.

Такимъ образомъ за одинъ день, русскіе крестьяне, „довѣрившіе“ власть большевикамъ и сдѣлавшіеся ихъ рабами, потеряли нѣсколько десятковъ тысячъ людей убитыми. А въ тылу они умираютъ отъ трехъ враговъ: голода, холода и тифа.

Троцкий, Ленинъ и комиссары съ неудовольствіемъ узнали объ отбитыхъ атакахъ. О числѣ жертвъ врядъ-ли они спрашивали. Имъ совершенно безразлично погибло-ли мало или много русскихъ людей. Завтра они вновь погонятъ несчастныхъ въ атаку и вновь десятки тысячъ труповъ покроютъ поля, вновь сгорятъ десятки городовъ и сотни деревень.

Большевикамъ красныхъ солдатъ не жаль. Они чувства жалости не знаютъ.

Они отъ всего сердца, отъ всей души смѣются надъ теми, кто такъ глубоко попалъ въ рабство, кто такъ наивно повѣрялъ въ прелести социалистическаго рая.

Пушечного мяса, въ которое обращены русскіе крестьяне и отчасти рабочіе, нужно большевикамъ въ громадномъ количествѣ.

Нужно взять не только Нарву и Кіевъ, но и Берлинъ, Парижъ и Лондонъ.

Много-ли останется въ живыхъ русскихъ?

Да неужели красные солдаты не поймутъ, какъ ихъ обманываютъ, неужели они не уничтожатъ своихъ комиссаровъ, ведущихъ ихъ на смерть и только на смерть?

Алл.

ПЕТРОГРАДЪ— ПИСТОЛЕТЪ БОЛЬШЕВИЗМА, направленный въ Западную Европу.

ТЕЛЕГРАММЫ.

МОСКВА. Ялуторовскъ. Во многихъ мѣстахъ подъ снѣгомъ стоятъ обширныя поля нескошеннаго пшеницы, которую бѣлые помѣшали убрать. Есть надежда, что нескошенный хлѣбъ сохранится до весны.

Что-же? Надѣйтесь!

МОСКВА. Литвиновъ въ Копенгагенѣ отъ имени совѣтскаго правительства предложилъ представителямъ Антанты начать мирныя переговоры. Послы Англии, Франціи и Италии отвѣтили отказомъ.

БѢЛООСТРОВЪ. Въ палатѣ общинъ Лойдъ-Джорджъ на вопросъ будутъ-ли приглашены на предстоящую конференцію по русскимъ дѣламъ представители Совѣтской Россіи отвѣтилъ что въ совѣщаніи примутъ участіе союзныя государства, которыя до сихъ поръ участвовали въ мирной конференціи.

Время созыва конференціи еще не опредѣлено.

МОСКВА. Въ Турціи чума. Въ Австріи чохотка. Въ Вѣнѣ за годъ отъ чохотки умерло 18.000 человекъ.

Несчастія радуютъ большевиковъ и они сообщаютъ о нихъ съ такимъ-же удовольствіемъ, какъ о своихъ „побѣдахъ“.

СѢВЕРО-ЗАПАДНАЯ АРМІЯ ЗАСТАВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ отъ большевиковъ и анархіи.

Пока стоитъ эта застава Франція и Англія могутъ спать спокойно!

Отвѣтственный редакторъ:

Г. ЛАМПЕ

Издатель В. ЛЕБЕДЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Нужны двое саней.

Предложеніе и указаніе пѣны адресовать въ типографію газеты „Приневскій Край“.